

Три года с небольшим

Есть такая библиографическая редкость — газета «Согры», первый и единственный номер которой вышел в Омске 15 апреля 1918 года. В газете, как это и полагается, был указан адрес редакции — Проломная, 19. И как хорошо было бы начать нашу сегодняшнюю экскурсию, посвященную пребыванию в Омске классика советской литературы Всеволода Иванова, именно с этого адреса — ведь это он был распространителем, наборщиком, автором большинства материалов и редактором «Согр», а Проломная, 19 — это... его домашний адрес. Но, увы, дома этого теперь нет: в начале улицы Яковлева (бывшая Проломная) расположились многоэтажные дома уютного микрорайона. Осталось лишь несколько строк в ивановской «Истории моих книг», где говорится, что на Проломной он «снял кособокую комнатенку с окошечком в чулак, хотя, правда, окошечко это выходило в дворовый садик». В одном из писем того времени сказано еще определеннее:

«Квартиру занимаю убогую, тесную. Когда жена затопляет плитку — дым наводняет комнату, и мы бежим вон, изрыгая брань. Писать приспосабливаю на колене (у себя, конечно), так что половина вдохновения уходит в пол...»

Молодой писатель приехал в Омск после октября 1917 года: типографские рабочие Кургана, где он тогда работал наборщиком, делегировали его на Западно-Сибирскую конференцию печатников. Вряд ли предполагал Иванов, выходя на перрон Омского вокзала, что предстоит пережить и перечувствовать ему в этом городе за три с небольшим года...

Курганского делегата избрали секретарем Западно-Сибирского бюро работников печатного дела.

«Меня оставили в Омске, — вспоминал впоследствии Всеволод Вячеславович. — Я работал наборщиком в типографии «Земля и воля», вел заседания бюро печатников, где занимал самые крайние левые позиции... Когда организовалась омская Красная Гвардия, я вступил в нее».

Иванов участвует в разоружении Кадетского корпуса, его неоднократно посылают выступать перед рабочими омских заводов и фабрик. Молодой литератор чувствует себя в гуще жизни, он полон энергии, творческих замыслов и планов. Этому способствует и то, что здесь впервые он попал в круг настоящих писателей: Георгий Вяткин, Александр Оленич-Гнененко, Фектист Березовский, Петр

Драверт, Александр Новоселов, Антон Сорокин...

И вдруг эта яркая, несущаяся, как курьерский поезд, жизнь прекращается: в городе происходит контрреволюционный переворот. Радостная атмосфера революции, строительства нового сменилась ужасом колчаковщины.

Хозяин дома на Проломной, до этого выступавший в скромной роли сапожника, оказался белым офицером, квартиру пришлось менять. А в газетах появились объявления: «300 рублей дам тому, кто укажет свободную комнату», «500 рублей...». В новой-летней «столице», переполненной военщиной, беженцами и авантюристами, жертвовали месячным заработком лишь за «укажет».

В «Истории моих книг» читаем: «Мы поселились в пригороде, в так называемой Нахаловке. Мне приходилось каждый день делать через пустыри и лужи километры десятка». А в очерке «Антон Сорокин» сказано так: «Это было в начале 1919 года... Я жил на окраине города, вдвоем с наемным торговцем на толкучке... Пустить-то он меня пустил вместе с матерью и моим братом, которого мучила малярия, но очень меня боялся. Наверное, я был действительно страшен: оборванный, в шубенке, из которой полезла вата, в рваных ботинках, грязный».

В этот мрачный период, по-прежнему работая в типографии, Иванов помогает большевикам-подпольщикам в изготовлении фальшивых документов, занимается и другой опасной нелегальной деятельностью. Участник тех событий журналист Г. И. Петров вспоминает:

«У нас тогда сформировалась настоящая подпольная организация, куда входили Вс. Иванов, петербургский поэт В. П. Рябов-Бельский и еще несколько человек. Сборы для заключенных и на побеге их, забота об их «паспортизации», распространение правдивой информации о жизни Советской России, о поездках смерти и других зверствах бело-гвардейцев — вот чем мы занимались в то время».

А параллельно продолжает интенсивная творческая работа. Иванов пишет рассказы, составившие его первую книжку «Рогульки», которую он сам нелегально набрал и напечатал под псевдонимом Всеволод Тараканов. (Теперь это тоже большая библиографическая редкость, т. к. тираж сборника был... 33 экземпляра.)

Пришлось оставить квартиру и в Нахаловке: вокруг нее стали появляться подозрительные люди, весьма похожие на шпииков. Поселился «кухонным квартирантом» у товарища — писателя Николая Анова. Поздно вечером вместе с ним перенесли вещи — узелок с бельем и тяжелую корзину с книгами, среди которых была большая драгоценность — словарь Даля.

«Н. Анов, — читаем в «Истории моих книг», — жил, как и я, на окраине, в избенке, похожей на курятник, в глубине двора, который почему-то был загроможден навозными кучами; хозяин избенки, седой высокий баптист, занимал большой деревянный, криливо раскрашенный дом и судя по всему был безжалостным... Я спал на кухне, на запасенных дровах».

Но вот изгнан Колчак, в городе восстановлена Советская власть. Иванов поступает работать выпускающим в газету «Советская Сибирь».

И наконец-то мы сможем показать тебе, читатель, дом, который связан с именем автора «Бронепоезда 14—69»: это здание бывшей гостиницы «Деловой двор», стоящее в Газетном переулке. В нем помещалась редакция «Советской Сибирь», в нем же и жили сотрудники газеты.

Вспоминает Г. И. Петров:

«Никогда не было пусто в маленькой комнатке у Вс. Иванова. Здесь постоянно бывали поэт Иван Ерошин, матрос Павел Словохотов (его мы учили на выпускающего), приходивший часто Антон Сорокин, Г. Вяткин. Всеволод Вячеславович писал тогда много, но не для печати — рукописи он читал, а потом их рвал».

В последнем мемуаристе, к счастью, ошибается: порвано было не все. Теперь установлено, что за короткий и сложный омский период были написаны такие (дошедшие до нас!) произведения, как циклы «Самокладки киргизские» и «Алтайские скуки», цикл рассказов «Седьмой берег». В нашем городе начата работа над повестью «Партизаны» и знаменитой пьесой «Бронепоезд 14—69» — произведениями, которые вскоре прославили имя автора и вошли в золотой фонд молодой советской литературы.

Многие люди из омского окружения писателя понимали, что имеют дело с незаурядным дарованием. Прочитав еще несколько строк из

воспоминаний журналиста Петрова:

«С особой заботой относился он (редактор «Советской Сибирь», видный партийный деятель Ем. Ярославский — А. Л.) к Всеволоду Иванову, видя в нем человека большого таланта и быстро созревающего крупного писателя. Не в пример прочим, Всеволоду Иванову была выделена в редакции отдельная комната, хотя жил он тогда одиноком, вообще же вся жилая площадь была забита, и бывало, сотрудниками спали в две смены на одной кровати».

Было бы крайне несправедливо во время нашей воображаемой экскурсии обойти стороной еще один омский дом, в котором десятки раз бывал Иванов, — дом писателя Антона Семеновича Сорокина. Их взаимоотношения, продолжавшиеся до 1928 года, т. е. до смерти Сорокина, были сложными и неоднозначными, но ясно одно: Сорокин по первым же газетным публикациям, заочно заметил талант Иванова, а когда тот приехал в Омск, всячески поддерживал молодого коллегу. Иногда эта поддержка принимала формы конкретного литературного тренажа: Всеволод Вячеславович вспоминал, что Сорокин «когда мы оставались вдвоем... называл различные предметы или людей, предлагая мне говорить, на что они похожи».

Дом Сорокина был своеобразным литературным салоном. «Хозяин, — сказано в «Истории моих книг», — умел без изысканной любезности, без натянутости, а с мягкой проницательностью сближать людей искусства. Войдя к нему в комнату, вам хотелось читать рассказные рассказы, слушать стихи, говорить о живописи». И вполне понятно, сколь

плодотворно влияла подобная атмосфера на молодого писателя. Не случайно Иванов говорил уже по приезде в Петроград, что петроградская критика «была не выше той критики, которую я слышал в Омске, в Сибирь».

В конце 1920 года Всеволод Вячеславович восстанавливает связь с А. М. Горьким, прерванную гражданской войной. В ответном письме Горький написал: «Перебирайтесь сюда, скорей!». И в начале 1921 года Иванов уехал в Петроград. В его кармане было удостоверение, выданное газетой «Советская Сибирь», — «командируется в распоряжение М. Горького».

Так закончились омские годы, годы, давшие богатый жизненный материал, большой творческий заряд, хорошую литературную школу. И когда в 1934 году Иванов, уже широко известный мастер слова, заявил с трибуны I съезда советских писателей, что сибирских впечатлений ему «хватит на всю жизнь», без сомнения, он имел в виду и омские впечатления.

Экспурсия подходит к концу. И само собой разумеется, что завершаем мы ее на зеленой, вытянувшейся вдоль Иртыша улице, возле здания средней школы № 125. На нем — мемориальная доска: «Улица названа именем советского писателя Иванова Всеволода Вячеславовича (1895—1963), проживавшего в Омске с 1917 по 1921 год».

А. ЛЕЙФЕР.

НА СНИМКЕ: ул. Лермонтова, 28 — дом, где была квартира Антона Сорокина.

Фото Э. САВИНА.